

ГОРОД САДОВ, ШЕЛКА И ВЫШИВОК

И. ЛОБОДА

НЫНЕШНИЙ Сучжоу — обычный провинциальный город, каких много на обширной земле Китая. Каждая его улица с давних времен приобрела свою профессию: столбярков или портных, продавцов свежей рыбы или овощей. Но больше всего было улиц вышивальщиц и ткачей. Такое профессиональное разделение в основном сохраняется и сейчас.

Вдоль некоторых улиц под сенью акаций и плакучих ив тянутся каналы, по которым сплывают лодки и джонки.

Когда плывешь по сучжоуским каналам, не видишь изящных пагод и галерей. Больше попадаются темные и сырые каменные постройки с земляными полами. Нет в них и потолков. Все внимание зодчих приковывалось к тяжелой черепичной крыше, как к главному элементу архитектуры. Снос таких домов и постройка благоустроенных зданий для жилья потребует много времени и усилий. Но этим не исчерпываются все проблемы перестройки города. Старая планировка поставила перед нынешними архитекторами сложные задачи. Тысячу или две тысячи лет тому назад не создавали широких улиц, проспектов и вместительных площадей. Каркас города составлял лабиринт узких переулков и проходов, которые никак нельзя назвать улицами в нашем понимании.

Иногда к каналам выходят глухие стены дворцов бывшей китайской знати. Большинство из них внутри неуютны и напоминают крытые рынки. Но внеш-

*Старая вышивальщица Цзинь Цзин-фэн.
Фото агентства Синьхуа*

ний вид их великолепен. Легкие павильоны и беседки усиливают общее впечатление от дворцовых строений.

Все это типично не только для Сучжсу, но и для других древних городов Китая. Однако у Сучжоу много своих особенностей. Прежде всего его неповторимые по красоте сады. Бесчисленное множество произведений китайской поэзии и живописи посвящено этим садам. В них есть все, что по национальным стандартам делает сады совершенными: соединенные каналами пруды с чистой водой, но такой темно-зеленой, что ее с трудом отличаешь от заросших берегов; гроты с пещерами; павильоны и беседки из резного дерева; прямые, как полет стрелы, галереи и мосты; стеклянная и каменная мозаика; литые и чеканка по металлу; затейливые переплеты окон, сделанные из одного каменного монолита; круглые, восьмиугольные и персиковидные проходы в стенах смежных строений и, конечно, самые разнообразные цветы и деревья.

Не только в Китае, но и на всем Дальнем Востоке сучжоуские сады славятся своими богатейшими коллекциями мэйхуа — небольшого дерева, которое внешне похоже на нашу сливу, но не дает съедобных плодов. К мэйхуа китайцы питают особую любовь. Его раскрывающиеся ранней весной белые или розовые цветы приятно пахнут; узловатые ветки дерева отличаются причудливой формой. Когда начинают цвести сучжоуские сады, толпы паломников устремляются к ним со всех концов Китая. Трудно передать изумительную красоту окрестных холмов, покрытых распутившимися мэйхуа, едва заметные облачка поднимающейся над деревьями цветочной пыли и тот тонкий аромат, от которого приятно кружится голова. Это надо видеть и пережить самому.

На склоне холма Хуцю мы встретили старого садовника; сидя на камнях, он вытирал пот стареньким полотенцем. Завязался разговор. Оказывается, многие сады были созданы по велению знатных вельмож и даже императоров, выполнявших капризы и желания своих наложниц. Когда-то здесь жила красавица Си Ши, о которой в Китае говорят, что от одного ее взгляда рушились городские стены, а от улыбки вылетали в трубу целые царства. Правитель Уского удела истощил государственную казну ради того, чтобы создать по ее прихоти сад с озерами и гротами, вырубленными в скалах. В Сучжоу около ста различных стилей садов.

Но как бы хороши ни были каналы и сады, сучжоусцы живут не только ими. Их город — древней-

Оживленная водная магистраль Сучжоу, провинция Цзянсу.

Фото агентства Синьхуа

ший центр шелкоткачества. Некоторые даже утверждают, что район озера Тайху — родина шелководства.

После 1937 года шелковое производство в Сучжоу стало резко сокращаться. Японская армия, захватившая этот район, безжалостно разрушала шелкоткацкие фабрики и вырубала шелковицу. Это был исключительный по своему цинизму пример беспощадной расправы империалистов со своими конкурентами: уничтожались ценности, создававшиеся столетиями. Никакие узы морально-этического характера не сдерживали ярости японских монополий, хотя секрет производства шелка Япония получила

именно из этого города. Шелковой промышленности Сучжоу, которую берегли даже орды степных кочевников, завоевавшие в свое время Китай, был нанесен огромный ущерб.

О развитии этого древнейшего китайского производства в наши дни невозможно говорить без цифр. На шелкоткацких фабриках Сучжоу работает 12 тысяч человек. Они выпускают более 70 видов продукции. В прошлом году производство шелка возросло в пятьдесят раз по сравнению с 1949 годом. Только одна фабрика «Дуну» выпускает в день столько тканей, сколько давал до освобождения весь город. Сучжоуские ткачи работают теперь на современных станках, что означает для них не просто нововведение, а нечто революционное, с чем они связывают надежды на счастливое будущее.

— Иностранцы часто сожалеют, что у нас сокращается ручное производство парчи,— говорил мне Чэнь Си-ин, в прошлом рабочий, а ныне директор фабрики «Дуну». — Но для нас ручной труд служит олицетворением нашей бедности, и с помощью машин мы уничтожим ее.

Главные корпуса фабрики построены уже после освобождения. Они светлы и просторны.

В шелкопрядильном цехе нас встретила бригадир Яо И-ин. В ее бригаде все учатся; причем занимаются по утрам, перед тем, как встать за станки.

Основная масса жителей Сучжоу занята, однако, не ткачеством, а вышиванием. Любовь сучжоусцев к вышиванию граничит с поклонением, а вышивки являются самыми почитаемыми предметами. Они глубоко вошли в быт горожан, украшая праздничные платья женщин, их обувь, сумки и кошельки, покрывала и наволочки, детские шапочки, ширмы. Вышитые шелком картины придают торжественность общественным залам и уют частным квартирам.

Лучшие сучжоуские вышивки, дышащие истинным поэтическим талантом, можно увидеть на международных выставках. Подчас их невозможно отличить от произведений живописи, так искусно они выполнены на белой, голубой, изумрудно-зеленой или красной тканях. Нежными оттенками тончайших нитей шелка-сырца, крученого шелка или тесьмы передается вся гамма красок.

Сучжоуские мастера наделены безграничным терпением. Известный артист Мэй Лань-фан показывал мне как-то театральный костюм, над вышиванием которого пять лет непрерывно трудилась группа мастериц. Я видел также, правда, еще незаконченной, картину «Павлины и сосны» размером три на два метра. Над нею уже целый год работало около тридцати опытных мастеров. Распустившиеся хвосты двух павлинов переливались радугой красок, и казалось, что птицы вот-вот вспорхнут, испуганные людьми. Каждая иголочка на ветвях сосны была представлена в совершенно натуральных тонах. В верхнем правом углу красовалась строфа искусно вышитых иероглифов из стихотворения поэта Ли Бо. Восторгаясь вышивками, я подумал, что здешние мастера в стремлении достигнуть желаемой красоты не обращают никакого внимания на время.

Искусство и замечательные традиции сучжоуской вышивки развивались в течение многих веков. Но имена людей, произведения которых хранятся в китайских и иностранных музеях и поныне вызывают восхищение, остались неизвестными. Эти люди влачили жалкую жизнь. Вот один пример. В последние годы гоминьдановского господства в полуразвалившемся храме на окраине Сучжоу жила почти слепшая нищенка, вышивальщица Цзинь Цзин-фэн. В свое время она выполняла заказы не только китайской знати, но и итальянского королевского дво-

ра. Она знала более ста способов вышивания. На созданные ею цветы тянулись бабочки. Но стоило Цзинь Цзин-фэн заболеть, и капиталист вышвырнул ее на улицу.

Я встретился с 77-летней Цзинь Цзин-фэн, когда она шла на работу в возглавляемый ею сучжоуский научно-исследовательский институт вышивки. Народная власть поместила художницу в больницу, где ей восстановили зрение. И она вернулась к жизни, к своей любимой работе.

Цзинь Цзин-фэн любезно представила мне своих талантливых учениц, которые умели не только вышивать, но и рисовать, показывая несколькими штрихами наиболее характерные черты природы, подмеченные в результате тщательного изучения. В их рисунках было много творческого воображения.

При институте открыт музей вышивок. Я не в силах был сдержать изумление перед красотой выставленных работ. Давая пояснения, Цзинь Цзин-фэн говорила быстро, просто и образно.

— Много ярких цветов? Но ведь в них прелесть жизни. Темные — это наше прошлое... Тут большей частью работы стариков. Они, как и я сама, долго мечтали творить для народа. Сейчас эта мечта осуществилась. Когда так много счастья, то хочется вышивать только красными нитями...

К сожалению, мне не удалось проникнуть в сокровенные тайны сучжоуского вышивания, а пришлось лишь постоять немного у порога этого прекрасного искусства. Но время, проведенное в Сучжоу, не пропало зря: я еще раз увидел, какое глубокое обновление переживают древние китайские города и люди, их населяющие.

«Журналу «Азия и Африка сегодня» мои лучшие пожелания
Идил Бирет.
Москва».

Это фото с автографом молодая турецкая пианистка, с успехом гастролировавшая в СССР весной этого года, подарила редакции нашего журнала.